МОРСКИЕ ПОВЕСТИ

ОЛЕГ СПИЦЫН

БЕЗБРЕЖНАЯ ЛЮБОВЬ

и Танцы с Фортуной

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Олег Спицын

Безбрежная любовь и Танцы с Фортуной

«Автор»
2026

Спицын О.

Безбрежная любовь и Танцы с Фортуной / О. Спицын — «Автор», 2026

Заключительная книга саги «Морские повести». Герой возвращается из дальнего похода в Тихий океан — и морские приключения уступают место романтическим похождениям на берегу, в которых струной звенит Безбрежная любовь, а проказница Фортуна увлекает его в своими игривыми Танцами. Но за этой романтикой скрывается опасность: и вот Бенгалику вновь угрожает трибунал, а могущественный враг на подводной лодке плетет против него свои интриги. В таких обстоятельствах он в который раз может рассчитывать только на себя и надеяться на то, что переменчивая Фортуна всё-таки предоставит ему для спасение хотя бы один шанс из тысячи.

© Спицын О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Повесть №6 5
Авторское вступление с прологом к повести 5
Глава 1. Родная база. Крылатая Золотинка. Поцелуй надежды 6
Глава 2. Миражи любви. Самоход в Пентагон. Девушка-модель 11
Глава 3. Награды за Поход. «Душевная беседа» с Боссом. Земля, о которой ты мечтаешь 15
Глава 4. Незлопамятный старпом. Жажда Открытий. Заколдованный остров и таинственный мыс 21
Глава 5. Бдительный Лис с бухты Парис. Тренировки с Качунасом и тесты моряков 27
Глава 6. Пешая экспедиция пятёрки Бенгалика. И море здесь, как будто, лежит как на ладони 31
Глава 7. Далёкая отрада. Снова кровавое знамение. Приключения на Окатовой 34
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Безбрежная любовь и Танцы с Фортуной

Повесть №6

Авторское вступление с прологом к повести

Миром правит Империя Зла,
Не распутать страстей нам узла:
В Танце с Фортуной кружат те,
У кого счёт немерен бабла!

Но хочется верить,
Что есть и любовь на свете,
Даже в далёком краю
Тебе донесёт песню Солнечный Ветер,
Что я о нас сочиню.
Знай, я тебя люблю!

Строки из песни «Танцы с Фортуной» (автор: Олег Спицын), одноимённый альбом №11

Уважаемые читатели, вашему вниманию предлагается шестая, заключительная и самая объёмная по тексту часть саги «Морские повести». Её название - «Безбрежная любовь и Танцы с Фортуной». Повторюсь для тех, кто не читал предыдущие части цикла: в них я описываю реально произошедшие события, но в то же время предупреждаю: учитывая прошедшие годы или по каким-либо другим причинам, мог написать о каком-то событии не совсем точно.

Когда я только начинал работу над эпопеей, то предполагал, что для рассказа о приключениях её героев будет достаточно пяти книг. Поэтому и называл свой труд пенталогией. Но, работая над четвёртой повестью, понял, что событий, достойных описания, настолько много, что пятью книгами мне не обойтись. И вот теперь, даже написав шесть повестей, должен признаться, что мне всё равно пришлось множество интересных историй из сюжета саги исключить, оставив лишь наиболее важные.

Заключительная повесть превзошла другие части саги и по количеству вставок - 32. Эти вставки в виде эпиграфов и послесловий на этот раз включены абсолютно во все главы книги, включая пролог, эпилог и авторское послесловие. Строки для эпиграфов позаимствованы из моих песен, большинство которых можно найти в интернете в авторском исполнении и чаще всего в составе группы «Олег Спицын / Солнечный Ветер».

А первая глава данной повести начнётся с продолжения рассказа о возвращении подлодки Б-397 из дальнего похода в штормовое Филиппинское море. Как рассказывалось в эпилоге повести №5, она пришвартовалась к Первому пирсу 19-й бригады в последних числах июля 1976 года. К сожалению, точную дату её возвращения из похода главный герой эпопеи не запомнил. Дело в том, что тот день и последовавшая за ним ночь остались в его памяти как смешение реальности с мистическими явлениями. Эти феномены настолько потрясли душу моряка, что такую забывчивость ему можно простить, тем более что у него тогда не было цели оставлять зарубки в своей памяти. Поэтому я старался как можно точнее описать события, последовавшие после возвращения Б-397 к родным берегам.

Глава 1. Родная база. Крылатая Золотинка. Поцелуй надежды

Поцелуй надежды,
Поцелуй мне шлёт надежда:
Светится она улыбкой, ласковой, как прежде.
Её очи – будто звёзды,
В них чарующие грёзы
Мне сулят блаженство и любовь!

Строки из песни «Поцелуй надежды» (автор: Олег Спицын), альбом №4 «Солнечный День и Звёздная Ночь во власти РОКА»

«Моряк вразвалочку сошёл на берег, как будто он открыл пятьсот Америк…» - начальные строки песни, впервые прозвучавшей ещё в 1965 году на эстраде СССР в исполнении популярного певца Эдуарда Хиля. Её текст с добродушным юмором намекает слушателям на особенную походку некоего семнадцатилетнего юнги, неделю плававшего по акватории моря, омывавшего берег тогдашнего Советского Союза.

Вполне возможно, такая походка юнги, морячившего целых семь дней, связана с нахождением вокруг него неких компаний ребят, бегавших за ним по пятам, да многочисленных девчонок, которые, судя по песне, «ахали и вслед ему глядели». Ясное дело, молодому парню хотелось покрасоваться перед ровесниками-салажатами и юными красотками, поклонницами такого опытного морехода, каким он стал после выхода в море, длившегося целую неделю.

Однако автору саги в настоящее время сложно судить о действительных чувствах другого моряка, тем более такого юнца, плюс ещё и героя романтичной песни. Могу с уверенностью сказать лишь одно: когда Бенгалик после похода в первый раз сошёл с корпуса лодки по сходням сначала на пирс, а затем уже и на берег, то он видел и ощущал отнюдь не собственную значимость или присутствие восторженных девчонок, которых, впрочем, почему-то поблизости не оказалось, а красоту и величие окружавшей его земной природы.

Правда, молодых ребят вокруг было немало, но все они были или его товарищами с Б-397, или служили на других подлодках девятнадцатой бригады. Кто-то из них уже сходил в дальние плавания, кто-то ещё нет, однако вскоре всё равно должен был пойти. Так что для какой-то особой походки причин не нашлось. А вот окружающий мир, несомненно, был достоин особого внимания, ведь он реально завораживал.

Надо сказать, что примерно такое же впечатление от всего увиденного было у всех матросов Б-397. Более семидесяти суток они не видели ни синего неба, ни золотого солнца, ни ярко-зелёной листвы деревьев, ни живых цветов. Моряки в основном лицезрели однообразную панораму механизмов подводного корабля, а когда поднимались в ограждение Рубки подышать свежим воздухом, то могли любоваться только крутыми, едва видимыми в ночной тьме океанскими волнами, сиявшими на тропическом небе звёздами и луной, менявшей каждую ночь свои очертания.

Ещё одной проблемой было качество воздуха подводного корабля. Частенько экипаж ощущал недостаток кислорода и избыток углекислого газа, особенно когда лодке приходилось долго находиться под водой. Сюда же можно приплюсовать жару, качку и, конечно, отсутствие природных запахов. Обычный человек даже не подозревает, какое огромное значение для здоровья и психики человека имеют естественные запахи природы. Моряки Б-397 за два с полови-

ной месяца дальнего плавания насквозь пропитались ароматами постоянно работавшего камбуза, запахами пота, солярки и масел дизельного отсека, краски, порой начинавшей плавиться от высокой температуры в отсеках, и от всего прочего – всего не перечислить. Все эти «благоухания» оказывали на здоровье моряков отнюдь не положительное воздействие.

Одним из первых «береговых» впечатлений Бенгалика было то, что он в тот день внезапно приобрёл невероятно чувствительное обоняние. Он остро чувствовал в воздухе недалёкое присутствие разнообразных растений, ветром доносило различные ароматы цветов. А ещё у него повысилась чувствительность зрения и слуха: вокруг на разные голоса щебетали птицы и летали удивительно красивые создания – разноцветные бабочки, жучки и стрекозы.

В один момент он поймал себя на том, что с удивлением разглядывает пятнистого жучка, который копошился в земле невдалеке от него. Бенгалик присел на корточки рядом с жучком, следя за его «трудовой деятельностью», и вдруг на тыльную сторону его правой кисти, как когда-то в детстве, села большая стрекоза. Метрист Б-397 приподнялся с корточек и, отойдя в сторону от других моряков, поднёс руку поближе к глазам, с улыбкой взирая на доверчивое насекомое.

Особое отношение к стрекозам у Бенгалика появилось с детства. Он ещё с трёхлетнего возраста начал их воспринимать как неких сказочных ангелочков, которые на своих золотистых крылышках несут людям радость и счастье, но по причине малолетства не ведал, в чём эти понятия выражаются. По прошествии определённого времени Алик узнал, что точно такое же мнение об этих маленьких крылатых существах с древних времён сложилось и на мудром Востоке: в Корее, Китае и особенно в Японии. Причём выяснилось, что стрекозы за световой день истребляют огромное количество кровососущих насекомых, мешающих существованию людей. Они действительно являются трудолюбивыми бойцами для блага человечества и всей природной среды.

Так что великий русский поэт-баснописец Крылов в одном из своих произведений для образа ветреной бездельницы всё-таки должен был выбрать какое-нибудь другое насекомое. Хотя, надо сказать, что уважаемый Иван Андреевич, проживая в своём времени, больше верил всяким сказаниям, которые неудержимой лавиной накрывали Россию из «просвещённой» Западной Европы.

Со времён Средневековья в европейских мифах стрекозы, как и всё прекрасное на этой планете, считались посланницами чёрной магии. А чего ещё можно было ждать от не в меру пугливых и подозрительных европейцев? Всю свою историю они видели в окружавших их народах уродливых орков, гоблинов и троллей, а стрекозы у них назывались «драконьими мухами» и считались «союзницами ведьм». А вот русский народ в древней славянской традиции считал стрекоз источником вдохновения и вестницами добрых знаков судьбы. Как говорится, почувствуйте разницу.

Бенгалику вспомнился случай из детства. Ему тогда было примерно пять лет. Детский сад, в который родители приводили его уже второй год, был расположен на северной окраине Новосибирска, недалеко от полудикого леска, откуда летом на территорию дошкольного заведения залетало множество всяких насекомых: жуков, бабочек и стрекоз. Бабочек тогда вокруг порхало огромное количество, и они были различных видов, но Алику больше нравились стрекозы. При солнечном свете эти самолётики выглядели таинственными, божественными созданиями, их полёт был свободен и стремителен, манёвры - виртуозными.

Как-то в один из солнечных дней начала августа он в компании с товарищами по детсаду играл в футбол. Эта популярная в народе игра в детском исполнении была, конечно, суматошной, но очень азартной. Алику очень хотелось забить гол: он постоянно открывался для паса возле одного из углов противоположных ворот, но любой из его партнёров по команде, получив от него пас или отобрав у соперников мяч, просто нёсся с мячом вперёд, будто играл не

за команду, а лишь за себя одного. В результате мяч при каждой такой атаке терялся, и все попытки Алика создать реальные голевые ситуации превращались в бесполезную беготню.

Особенно грешил таким прямолинейным, бессмысленным напором один мальчуган из старшей группы по прозвищу Казак. Он, конечно, был не настоящий казак, но всё же был крупнее фигурой, чем все его товарищи по команде, включая и более младшего по возрасту Алика. Лишь только мяч оказывался в его ногах, он, уперев в него взгляд и не глядя по сторонам, немецким танком пёр к чужим воротам, стараясь тупо растолкать в разные стороны или опрокинуть наземь тех соперников, которые посмели оказаться у него на пути.

Таким образом, он запорол подряд несколько голевых атак, потому что мяч из-под его ног всегда кем-нибудь из оппонентов обязательно выбивался, особенно теми, кто был устойчив на ногах и неуступчив в борьбе. Напрасно свободный от опеки Алик громко кричал Казаку: «Дай скорее пас! Я стою у ворот один!» Тот, упёршись рогом в мяч, ему ни разу так и не отпасовал. Возможно, просто не услышал.

У Алика в какой-то момент возникла мысль, что уши этого бугая залеплены грязью. А что, лицо и тело Казака были всегда грязными, тогда почему бы этой грязи не проникнуть и внутрь его ушей? И вот после ещё одного бесполезного рывка к чужим воротам наш «бомбардир» так расстроился, что решил выйти из игры.

Отойдя за пределы площадки, он приподнял правую руку, чтобы смахнуть со лба обильно струившийся пот, и вдруг на тыльную сторону его кисти села большая стрекоза. Алик поднёс руку поближе к глазам и стал с удивлением разглядывать загадочное крылатое существо. Стрекоза, сидя на его кисти, тоже смотрела на него своими огромными глазами и порой кивала своей головушкой, будто приглашая к разговору.

- Миленькая! – изумлённо прошептал Алик. – Так ты меня совсем не боишься? – В этот момент стрекоза кивнула. - Совсем-совсем? Ты из всех мальчишек выбрала меня? – продолжал шёпотом спрашивать растроганный Алик. – Неужто я тебе так понравился?!

Стрекозка снова кивнула, и Алик почувствовал горячую признательность к крылатому ангелочку за его особенную к нему симпатию. Ему захотелось как-то выразить свои чувства вслух, но это оказалось трудным делом: выражать свои чувства словами он ещё не умел.

- Ты очень хорошая и очень красивая! – наконец нашёл он нужные слова. – Хочешь, я буду звать тебя Золотинкой? – Стрекозка снова кивнула.

- Чё, поймал стрекозу? – вдруг услышал Алик рядом с собой громкий гнусавый голос и приподнял голову.

Возле него, тараща мутные глаза, стоял потный Казак и криво усмехался. Игра закончилась, малолетние футболисты разбредались в разные стороны, а этот грязнуля решил подойти к нему, к Алику. Похоже, просто увидел сидевшую на его руке стрекозу.

- Не-а, - отрицательно мотнул головой Алик, - она сама захотела сесть на мою руку.

- А хочешь, покажу тебе смешной фокус-покус? – вдруг задал вопрос Казак и тут же, не дожидаясь согласия или разрешения, грубо схватил стрекозу за золотистые крылышки.

- Что ты делаешь?! – только и успел выкрикнуть возмущённый Алик, как здоровяк, вырвав у стрекозы крылья, положил изувеченного ангелочка обратно на кисть его руки.

- Вот видишь? Была стрекозой, а стала червяком! – захохотал Казак. – Правда ведь, смешно?

- Нет, нисколечко не смешно, – через силу выдавил из себя Алик.

А ещё он с трудом подавлял в себе желание разрыдаться от так внезапно нагрянувшего на него горя. Окружавший его мир мгновенно потускнел.

- Ну и дурак! – презрительно процедил сквозь зубы бугай и, потеряв всякий интерес к горестному Алику с его изуродованной подружкой, убежал к компании мальчишек из своей группы.

Алик некоторое время печально смотрел на стрекозу-инвалида: та ему больше не кивала, в её огромных глазах он разглядел слёзы.

- Прости меня, Золотиночка! Прости, моя хорошая, не уберёг тебя! Не уберёг! Не спас тебя от этого злого Казака! – попросил прощения у стрекозы Алик. Он положил свою изувеченную подружку на траву. – Я не знал, что этот грязнуля такой гад! Может, твои крылышки снова вырастут? – со вспыхнувшей надеждой сделал он предположение, но тут же по виду стрекозки понял: нет, не вырастут больше у неё крылышки, умирает его Золотинка - человеческая жестокость оказалась для доверчивого ангелочка смертельной…

- Ну здравствуй, Золотинка! – продолжая улыбаться, поздоровался моряк со стрекозой, доверчиво усевшейся на его кисти. – Гляжу, ты всё же отрастила себе новые крылышки и решила вновь ко мне прилететь. Значит, за все эти годы меня не позабыла? - Стрекозка кивнула. - И я тебя не позабыл, - признался Бенгалик. – Но беда в том, что я так и не знаю, какое послание тогда, в моём детстве, ты хотела мне передать. Может, и сейчас прилетела не просто так? - Стрекозка снова кивнула. - Я так и думал. Ну тогда и передавай скорее, а то сейчас кто-нибудь к нам подойдёт и снова помешает тебе с твоим тайным посланием для меня.

Стрекозка, некоторое время посидев без движений, вдруг нагнула голову и прикоснулась губами к кисти вернувшегося из дальнего плавания моряка. Тот некоторое время стоял в ошеломлении.

«А что? – наконец подумал Бенгалик. – Лишь только я попросил Золотинку передать мне послание, как она поцеловала мне руку. Это что, случайное совпадение? Многие так бы и подумали. А если всё-таки не случайное? За время службы мне довелось наблюдать несколько посланных мне знамений, которые затем удивительным образом сбывались. Стрекоза – крылатое существо, а это означает, что она тоже может передавать от Высших Сил различные символические знаки. Надо только разобраться с этим её знаком».

Бенгалик, подняв голову, взглянул на безоблачное небо: «Так, небо сегодня, как и в детстве, синее, бездонное - все люди на этой грешной планете видны с него как на ладони, – он перевёл взгляд на бухту Малый Улисс и стоявшую у Первого пирса Б-397. – Мы пришли на базу и на какое-то время встали на прикол. В смысле – на якорь. О чём это говорит?»

Моряк задумался, вспоминая особо значимые события, произошедшие за время его службы:« Может, стрекозка принесла мне весть о чьей-то любви? Может, весть о любви Гали? Но в походе мне снились иные сны, а снам я уже привык верить – часто сбываются. И вообще, что является символом любви? Вроде бы какое-нибудь изображение сердца, но чего-то подобного нигде не видно. Погоди-ка, а что символизирует якорь? Надежду. Крест – символ веры, а якорь – надежды!»

Бенгалик взглянул на стрекозу: та неотрывно смотрела на него своими огромными глазами, будто следя за его размышлениями.

- Золотинка, выходит, ты принесла мне «поцелуй надежды»?

- Думаю: а куда же подевался Алик? - вдруг раздался за спиной метриста весёлый голос акустика Тарасюка. - Смотрю: а он отделился от всех и общается со стрекозой!

Бенгалик оглянулся: позади него, кроме Петра, стояли ещё двое - Сергей Ладин и Шурик Фефелов.

- Осторожно, ребята, не вспугните стрекозу! – попросил он ребят.

- Она тебе так нужна? – поинтересовался Шурик. – Хочешь принести в кубрик и засушить для коллекции в память о Приморье?

- Не дай Бог совершить такой грех, - нахмурился метрист. - Она моя старинная подружка!

В это время стрекоза, стартовав с кисти Бенгалика, улетела куда-то по своим стрекозьим делам. Моряки засмеялись.

- Да-а, Алик, улетела от тебя твоя подружка, – сказал Ладин. – Но не грусти, может, она к тебе ещё вернётся.

- Может, и вернётся, - согласился Бенгалик, - хотя, в принципе, нужное послание она мне передать успела.

- Успела передать тебе послание? – спросил Фефелов с недоверчивой улыбкой. – И в чём же оно выражалось?

- Шурик, это секрет! – Бенгалик с видом заговорщика огляделся по сторонам, и Фефелов кивнул с понимающей улыбкой.

В это время прозвучала команда о построении, и моряки, построившись в колонну, отправились в свой кубрик, который более двух месяцев назад, в одну из тёмных майских ночей, покинули по боевой тревоге. Алик помнил, что экипажи тех подлодок бригады, которые до Б-397 приходили из своих дальних плаваний, всегда отличались вольным, анархическим поведением, с множеством разнообразных приключений, будораживших всю девятнадцатую бригаду. Однако в свой первый день возвращения на базу его родная команда вела себя совершенно по-иному.

Все ребята были тихими, задумчивыми. Они дисциплинированно поужинали в столовой бригады, потом разбились на группки и, вполголоса беседуя между собой, просидели на койках до отбоя. Затем спокойно провели вечернюю поверку и тут же улеглись спать. Только ещё долго между собой шушукались, но опять же без резких возгласов, шуток и громкого смеха, словно боялись нарушить хрупкую атмосферу окружавшего их большого мира.

Сначала Бенгалик немного удивлялся такому странному поведению команды, но потом, когда уже окончательно улёгся под одеяльцем в своей коечке, вдруг подумал, что и он, вообще-то, тоже всё это время вёл себя тихо. Метрист Б-397 не сомневался, что в такой комфортной постели мгновенно уснёт мёртвым сном, но то ли он сразу по возвращении из похода выспался на своём боевом посту, то ли впечатления от самого возвращения были слишком яркими, но только сон к нему никак не приходил.

Час проходил за часом, а он неотрывно, как загипнотизированный, смотрел на большое окно напротив его койки, которое выходило на тыльную сторону кубрика. В этом окне в свете фонарей виднелась густая листва многочисленных деревьев, чьи отражения падали на стекло, а среди хитросплетений всех этих отражений, будто из параллельного мира вырисовывался чей-то силуэт - на Бенгалика внимательно смотрели чьи-то глаза. Своим загадочным выражением они ему напомнили глаза одной из знакомых ему владивостокских девушек (об этих девушках рассказывалось в предыдущих частях саги).

Бенгалик понимал, что от всех контрастных впечатлений этого лета у него просто не на шутку разыгралось воображение. Тем не менее ощущение чьего-то мистического присутствия было настолько реалистичным, что он в какой-то момент, не удержавшись, встал с койки и приблизился к окну, стараясь разглядеть ту, что скрывалась среди густых крон деревьев, стоявших по другую сторону стекла.

Глава 2. Миражи любви. Самоход в Пентагон. Девушка-модель

Все грёзы мои
Меня в тупик завели:
Погасла в небе Звезда,
И я бреду в никуда.

Мы в суете городов,
Найти стремимся любовь,
Но миражи нас влекут
И наше счастье крадут.

Строки из песни «Миражи любви» (авторы песни: Олег Спицын – Алексей Спицын), альбом №11 «Танцы с Фортуной»

- Что, Алик, тебе тоже не спится? – послышался за спиной Бенгалика шёпот Тарасюка.

- Да, - также шёпотом ответил метрист, повернувшись к лежащему акустику, - что-то воображение разыгралось: всё время кажется, что через это окно к нам кто-то заглядывает! – и задал Тарасу, принявшему на койке сидячее положение, встречный вопрос:

- А ты, Петро, почему не спишь?

- Да всё ней думаю.

- О ком? – поинтересовался Бенгалик.

- О Ленке моей, - ответил Пётр. – В последний раз мы с ней виделись в середине апреля. До той встречи намекал ей, что наша лодка готовится к дальнему плаванию, но точную дату назвать не мог, сам её не знал. А потом мы пришли с моря перед майскими праздниками и сразу попали в предпоходный оргпериод. Ну и, конечно, предупредить её о походе не смог, а в самоход тогда сходить не рискнул. – Пётр грустно вздохнул и закончил своё откровение: - И вот теперь думаю: а не завела ли она кого-нибудь в моё долгое отсутствие? Могла ведь обидеться!

- Да, дела у нас с тобой сложные, - заговорил Бенгалик. - Я тоже всё хотел повидаться с одной подругой, но не получилось. Вот она точно на меня обижена, но повстречаться с ней никак не могу - не знаю, где она живёт. А ты сказал, что мог сходить к своей Ленке в самоход, - получается, знаешь, где её дом?

- Да что тут знать, - махнул рукой Пётр, - её дом – «Пентагон».

- Ага, – понимающе произнёс Бенгалик, – значит, Пентагон!

Он уже не раз слыхал, как расположенное вблизи от бригады общежитие моряки почему-то называли Пентагоном. Одно крыло этого общежития занимали незамужние девушки и женщины. Бенгалик вспомнил, что Пётр несколько раз говорил ему об этом новоявленном «Пентагоне», а потом ещё зимой ходил туда в самоход и в одиночку, и на пару с боцманом Колей Степановым.

- Петя, а какие у тебя проблемы? – задал он вопрос. - Ты находишься в лучшем положении, чем я: твоя Лена живёт поблизости - в Пентагоне. Тебе в самоход сходить – раз плюнуть!

- А у тебя, значит, дела сложнее будут?

- Конечно, с той девушкой виделся давно, когда ещё служил на Б-213. Прошло уже десять месяцев! Была возможность встретиться по весне возле «Океана», но один раз помешало моё

«хлебное ЧП» (повесть №4, главы с 18 по 22), в другой раз - поход. Так что надежды на взаимность практически не осталось. Две её подружки живут…

- Чего вы там так долго шепчетесь? – перебил его недовольный шёпот акустика Ананичева. – Спать мешаете!

- Да, - подтвердил голос Петренко слова Барашка, - Тарас, ложитесь-ка лучше спать. Успеете днём наговориться.

- Погодите, братцы, - попросил своих акустиков Тарасюк и повернулся к метристу. - Алик, давай-ка вылезем в окно. Там поговорим и попутно глянем, кто за ним прячется.

- Давай, - охотно согласился Бенгалик.

Моряки по-быстрому оделись и один за другим вылезли через окно на территорию бригады. На свежем воздухе было чудесно: тепло, тихо, комаров и мошек не было, в небе мерцали многочисленные звёзды и загадочно сияла растущая луна.

Тарасюк немного помолчал, видимо, что-то обдумывая, потом обратился к собеседнику:

- Ты, наверное, был бы рад увидеть тут свою затерявшуюся подружку, верно? Но вот беда: её почему-то нигде не видать.

- Блин, Петро, не береди мои раны, – попросил Бенгалик. – Меня и так неопределённость мучает, а ты решил ещё добавить!

Тарасюк отрицательно покачал головой:

- Добавить? Наоборот, Алик, я хочу, чтобы ты взглянул правде в глаза: ты тоскуешь по ушедшей любви. Сказал: «Надежды на взаимность почти не осталось». Но что значит «почти»? Ты ещё во что-то веришь? Да никакая девчонка, особенно на тебя обиженная, не будет ждать тебя целых десять месяцев! Она симпотная?

- Очень, - вздохнул Бенгалик, - я даже старпому по зиме сказал, что моя девушка – первая красавица Владика. И он мне поверил, да ещё и позавидовал, потому что это действительно так.

- Серьёзно? Ты даже говорил про неё старпому? – удивился Тарасюк. – Босс, конечно, по женской части дока и зря бы завидовать не стал. Но лично я думаю по-другому. Вот ты на свою красотку уже десять месяцев молишься, как на икону, но если уж она такая краля, то и ухажёров вокруг неё море. Она ждала тебя после той встречи самое большое полмесяца. Так что сейчас твои мечты – пустой мираж.

- Ну, я пытался не мечтать, - пожал плечами Бенгалик, - но то чего-нибудь вспомнишь, то сон с ней приснится. Что тут можно поделать?

- Просто так забыть не получится, - согласился Пётр, - но клин можно выбить клином. Тебе обязательно нужно познакомиться с какой-нибудь другой девчонкой. В Пентагоне их хоть пруд пруди. В одной комнате с Ленкой проживают две биксы. Одна, Наташка, стройная такая, правда, немного худоватая и высоковатая: ростом будет где-то на полголовы выше нас с тобой. А вот вторая, Сонька, миниатюрная, пухленькая, всё при ней. Думаю, она тебе понравится. Пошли в Пентагон, познакомлю тебя с ними.

- Пойти прямо сейчас?! – удивился Бенгалик предложению акустика.

- А что? Всё равно ж один хрен не спим, так хоть что-то полезное совершим, - привёл Тарасюк убедительный аргумент. – И мне в компании с тобой идти сподручнее, а то в одиночку как-то не шибко интересно, да и нарваться можно на что-нибудь неожиданное: на чересчур бдительную вахтёршу, на патруль какой-нибудь или на компанию гражданских парней-конкурентов. Одному в таких случаях тяжко, а вдвоём мы от них запросто отмашемся.

Бенгалик задумался:

«Тарас верно говорит: клин можно выбить только клином. Действительно, уже около года меня мучают воспоминания о прошлом. Образ Галчонка стал мне какой-то путеводной звездой. Но Пётр прав: в настоящий момент она погасла. Мне точно нужны новые знакомства. Похоже, надо идти с Тарасом в Пентагон, там меня может ждать фарт».

- Значит, подруги твоей Ленки – дамы симпотные? – спросил он Петра на всякий случай, ведь просто так идти на риск не хотелось.

- Я же сказал тебе, что они классные, особенно Сонька, - подтвердил тот свои слова. – По комплекции она – просто модель, тебя точно воспламенит. Это как литр бражки дерябнуть.

- Ну и хорошо, если так, тогда двинули, – решился обрадованный Бенгалик. – Глянем на твоих «моделей»!

Ему хотелось верить Тарасу, чтобы наконец-то избавиться от пустых мечтаний о Гале, а новое знакомство, да ещё и с «воспламеняющими девушками», как раз и сулило ему такое избавление.

Тарасюк, получив его согласие, сразу же направился к недалёкой от тыльной стороны казармы дороге. Но самоходчики по ней не пошли. Перейдя её, они направились по узенькой, едва видимой в темноте тропинке к западной стороне ограды бригады. Подойдя к ней, акустик на ощупь нашёл тайный лаз, и моряки один за другим вылезли через него к стоявшим за оградой частным гаражам; потом, глядя себе под ноги, прошли вдоль них и, выйдя к городским домам, примерно через десяток минут оказались возле Пентагона.

Тарасюк бросил камешек в одно из окон на втором этаже общежития. Оно приоткрылось, и Бенгалик увидел, как из него выглянула светловолосая женская голова. Тарас назвал выглянувшую женщину Наташей и спросил про Лену. Через довольно продолжительное время к самоходчикам вышла молодая особа и, договорившись с вахтёршей на входе, провела двух моряков в комнату со столом, тремя стульями, тремя кроватями и тумбочками возле них. На кроватях сидели две особы женского пола.

Осматривая обстановку в помещении и украдкой бросая взгляды на его обитательниц, Бенгалик догадался: им с Петром пришлось так долго простаивать возле общежития, потому что хозяйки комнатушки провели в ней кое-какую приборку, приготовили горячий чай с вареньем и печеньем для гостей и, по-видимому, особое внимание уделили своему внешнему виду.

Так вот, если говорить о внешнем виде хозяек, то, на взгляд главного героя саги, самой симпатичной из трёх женщин оказалась именно подружка его товарища по самоходу. Она выглядела ухоженной, фигура её была в меру упитанной, лицо было с правильными чертами и пылало загорелым румянцем, карие глаза, практически неотрывно смотревшие на Петра, светились радостью.

Светловолосая, голубоглазая Наташа, как Тарасюк и предупреждал, была девицей высокого роста и худощавой. А что касается Сони, которую так нахваливал ему товарищ по самоходу, то она, на взгляд Бенгалика, оказалась отнюдь не модельной внешности. Мало того, её комплекция даже не умещалась в рамки обычных стандартов женской упитанности. Пётр называл Соню пухленькой, но она оказалась не столько пухленькой, сколько толстенькой.

«Вот так-то, – подумал искатель любовных приключений, чувствуя некоторое разочарование, - надеялся на новые знакомства. Вот теперь и любуйся результатом: моделями любого роста, веса и форматов!»

Алик невольно сравнил Наташу и Соню со всеми тремя знакомыми ему девушками с хлебобулочного предприятия, и это сравнение оказалось не только в пользу двух писаных красавиц - Галчонка и Ириски, но и в пользу пухленькой Светланы. У Бенгалика даже появилась мысль: уж лучше бы он тогда завязал романтические отношения со Светой, ведь она-то была хоть и пухленькой, но отнюдь не толстой, и при этом по отношению к нему постоянно проявляла себя как заботливый друг.

«Заботливый друг» - дело было не только во внешности жительниц Пентагона. Бенгалик отчётливо помнил, чем его когда-то пленили девушки с Тюхи. Кроме внешней красоты, в них ещё чувствовалась женственная энергия, выражавшаяся в мелодичном звучании голосов, в пылком поведении, в загадочном блеске глаз.

Та же Света при их последней встрече, во время прощания с ним, смотрела на него с печальной нежностью. Ей явно хотелось увидеть в нём ответные чувства. А Ириска? В тот его первый самоход на Тюху он разглядел в её зелёных глазах жаркий пламень романтичного чувства. А что уж тогда говорить о Гале? Эта красавица вообще смотрела на него глазами, сиявшими подобно звёздам. Похоже, она увидела в нём особенного человека, достойного близких с ней отношений.

Он той осенью, выскользнув из западни, устроенной ему на Тюхе несколькими патрулями четвёртой бригады, тогда посчитал себя счастливчиком. Нет, из настоящей Западни он так и не выбрался до сих пор! А возможно ли ему вообще когда-нибудь позабыть этих юных работниц Тюхи? С кем в этом мире их можно сравнить? Ну, если взять, к примеру, всяких там мисс Вселенных, то по сравнению с этими простыми девушками Владика все они - пустые кокетки, натягивающие на свои смазливые личики фальшивые улыбочки!

А если сознанием вернуться к «моделям любого веса и формата», обитающим в этом общежитии, то первым делом видишь глаза худосочной Наташи, которые, свысока на тебя взирая, как бы говорят со скрытой насмешкой:

«Ну вот, ещё один морячок к нам в гости заявился, даже в своих морях почему-то не запылился! Посмотрим-посмотрим, что ты из себя представляешь, фрукт ты наш заморский!»

Да, именно такое выражение Бенгалик в этих глазах и разглядел. А что касается тёмных очей Сони, то у нашего романтика сначала возникло ощущение, что в них нет ничего, кроме унылого равнодушия. Правда, потом он увидел, что это ощущение ошибочное. Глаза «модели» тоже могли сиять радостью, особенно когда их взгляд останавливался на банке варенья и пачках печенья. И как ему тут быть? Неужто Золотинка просто так, от нечего делать, принесла ему тот «Поцелуй надежды»?!

Прошло примерно два часа. Пётр с Еленой продолжали уединяться в постели, исполняя темпераментный танец под одеялом в горизонтальном положении, а Бенгалик предложил изрядно вспотевшей Соне выйти на улицу, чтобы чуть охладиться и подышать свежим воздухом. Они вышли на улицу и перешли на тыльную сторону Пентагона.

И тут Бенгалик, взглянув на звёздное небо и возжелав хоть как-то воспламенить свои чувства, да и чувства своей новой подружки тоже, решил заинтересовать её рассказом о своих приключениях в Тихом океане. Но в какой-то момент, взглянув на Соню и увидев её глаза, понял, что в настоящее время её интересуют вовсе не его приключения, а возможность за последние часы до рассвета хорошенько выспаться. Она просто ждёт-не дождётся, когда же незваные полуночные гости свалят восвояси!

Вот и вся «потрясающая романтика» этого самохода: всё, что он предполагал увидеть, а затем и увидел во время новых знакомств, оказалось гораздо большим миражом, чем все его воспоминания о прошлых романтических приключениях. По крайней мере, эти воспоминания, вселяя в него хоть какую-то надежду на новую встречу и возрождение отношений, в трудные моменты жизни поддерживали в нём силу духа и жизненную энергию.

Глава 3. Награды за Поход. «Душевная беседа» с Боссом. Земля, о которой ты мечтаешь

Я не знаю, где Земля, о которой ты мечтаешь.
Может быть, впереди, где даль сияет,
А может быть, и позади.
Но ты всегда ей был так предан:
Путь к ней верным только ведом,
И ты вершишь - там живёт и твоя любовь!

Строки из песни «Земля, о которой ты мечтаешь» (авторы песни: Олег Спицын – Сергей Спицын), альбом №1 «Железные Ангелы»

Суббота, 31 июля 1976 года, утреннее время. День обещал быть чудесным: безветренным, солнечным и жарким. Никому спускаться в отсеки подлодки не хотелось. Но команде необходимо по-прежнему проводить проворачивание механизмов и аппаратуры корабля, а в дальнейшем надо будет ещё и осуществить кое-какой ремонт, ведь командование бригады после отдыха экипажа новые выходы лодки в море пока что отменять не собиралось.

На вчерашнем утреннем построении было объявлено, что в понедельник, 2 августа, более половины команды будет отправлено на трёхнедельный отдых в военно-морской санаторий, расположенный на берегу бухты Аякс острова Русский. В отпуска уходило и более половины офицерского состава подлодки, но каждый офицер уже сам выбирал себе место и способ отдыха.

Отпуском в родные края были награждены и некоторые члены матросского состава: в первую очередь акустик Владимир Петренко, обнаруживший в походе американскую атомную подлодку, и шаман Гусин, участвовавший в передаче радиограммы об этом событии в штаб флота. В дальнейшем Ваху ещё и лично наградил главнокомандующий Военно-морским флотом СССР Горшков.

Что ж, как говорится, заслужил, моряк, так получай. Но Бенгалик задавался такими вопросами: а что особенного сотворил в дальнем походе молодой шаман, прозванный им «Иудой флота» за подлость в отношении старших сослуживцев? Ведь то, что этот самовлюблённый тип при отправлении радиограммы набрал определённый набор цифр и слов, было его обычной обязанностью как специалиста узкого профиля. Неужели то, что сделал этот спец, могло идти в сравнение с тем, что совершил тот же моторист Виктор Золотарёв, в течение многих часов на пару с мичманом Дегтярёвым устранявший (и устранивший) аварию на корпусе подлодки во время чудовищного тайфуна в Филиппинском море? Эти двое тогда трудились с большим риском для своей жизни ради живучести всей подлодки, ведь та авария точно могла привести к гибели Б-397, отправив её вместе со всем экипажем на дно бездонной Марианской впадины.

Однако Еврей странным образом так и не был награждён, как, впрочем, и другие матросы подлодки, за девять часов гибельного шторма в условиях жуткого стресса не допустившие ни одной ошибки при выполнении своих обязанностей. Разве это нельзя назвать героизмом и хоть как-то ребят наградить? Возможно, дело было в том, что все они по своим специальностям являлись «чёрной костью» флота, а молодой шаман – самой «белой» его частицей?

Что касается главного героя саги, то отношением к себе он был вполне удовлетворён. Будучи командиром отделения радиометристов, он также принимал непосредственное участие

и в обнаружении американского атомохода, и в нечеловеческой борьбе с тайфуном, но из-за сильной усталости во время срочного погружения лодки допустил кое-какой просчёт (повесть №5, глава 22). Так что, честно говоря, какой-либо награды в виде отпуска домой или подарка от главкома ВМФ он не ждал. Ещё, слава богу, что по возвращении на базу его проштрафившуюся персону не поджидало какое-нибудь взыскание! Однако от начальствующих лиц не было даже каких-либо словесных порицаний. Мало того, оказалось, что командование лодки его деятельность как командира отделения БП Р-32 во время дальнего плавания оценило на пять баллов. Так что Бенгалик со спокойной совестью мог готовиться в составе первой группы матросов к «десантированию» на остров Русский с дальнейшим проведением там санаторного отдыха. И первым делом он приобрёл себе плавки для купания и кеды для занятий физкультурой и спортом.

В середине дня команда, вернувшись с подлодки, сходила в столовую на обед. Пообедав, молодые матросы команды под песни популярных советских ВИА, звучавшие из бытовой комнаты, стали наводить чистоту в кубрике и других помещениях казармы, а около десятка старослужащих моряков, в том числе и Бенгалик, приоткрыв для лучшей слышимости песен окно бытовой комнаты, решили расположиться на газоне возле казармы для отдыха.

Метрист, прикинув, что перед санаторием хорошо бы принять на свою бледную кожу вступительный загар, снял с себя тельник и голланку, положил их на травку газона, а затем и улёгся лицом вверх, мечтательно взирая на безоблачное синее небо. Через некоторое время его примеру решили последовать кок Вербицкий, рулевой-сигнальщик Степанов, торпедный электрик Ладин и акустик Тарасюк. Они также подложили под себя униформу и улеглись: кто лицом к безоблачным небесам, а кто к ним и белой спиной.

Все принимающие солнечную ванну тихо переговаривались между собой, постепенно погружаясь в дремотное состояние. Ещё немного, ещё чуть-чуть - и вышедшие целыми и невредимыми из свирепых океанских бурь благополучно погрузятся в долгожданную нирвану.

- Послушай, Алик, - услышал метрист негромкий голос полусонного Ладина, – интересно, а почему тебе не дали отпуск домой? По-моему, ты заслужил его не меньше Вахи или того же шамана.

- Да и хрен с ним, с отпуском, - лениво ответил Бенгалик. – Может, в Новосибирске придётся ещё жить годами. Тем более в это время года в наших краях много комаров и мошек. Ехать на Алтай? Для него наш отпуск коротковат, да и после службы он никуда не денется. Честно скажу: мне больше хочется побывать на Русском.

- Точно, – подал голос Тарасюк. – Помнится, до похода Алик мечтал открыть какой-нибудь остров. И вот его мечта сбывается!

Все любители позагорать, услышав эти слова, тихо засмеялись, а Бенгалик приподнялся на локте:

- Чего смеётесь? Наше путешествие на Русский ничуть не хуже посещения какого-нибудь тропического острова. Даже в чём-то лучше: отдыхать будем не менее трёх недель, кормить обещают классно, если встретим на острове девчонок, то они будут не папуасками, а русскими – будет легче с ними кое в чём объясниться без угрозы оказаться съеденными!

- Действительно здорово, – после всеобщего смеха согласился с Бенгаликом Вербицкий. – О таком отдыхе многие на гражданке могут только мечтать. Я вот тоже считаю, что мой родной Гусь-Хрустальный от меня никуда не убежит.

Моряки стали воодушевлённо развивать тему отдыха, и в этот момент возле загоравших нарисовалась фигура некоего молодого лейтенанта, всего лишь сутки назад пришедшего на Б-397 и по всем признакам ещё в море не ходившего. Причём этот летёха не просто «нарисовался», а стал предъявлять претензии морским волкам, мешая их мечтам и стремлению после

их тяжелейшего Похода хотя бы немножко загореть. Оказывается, ему втемяшилось в голову заставить их принять участие в приборке кубрика!

- Слышь, дядя, - иронично улыбаясь, обратился к лейтенанту Вербицкий, - может, ты не будешь мешать нашему заслуженному отдыху и слиняешь по-тихому, ладно? А мы сделаем вид, что в упор тебя не видели и не слышали. Договорились?

- А что у вас с глазами?! – ещё больше возмутился тот. – И с ушами тоже: я вам не дядя, я офицер и вам приказываю...

- Ты нам приказываешь?! – перебил офицера изумлённый Верба. – Ну, ты, однако, орёл! Только почему-то не летаешь!

- Какой ещё орёл?! – почти закричал лейтенант. – Я…

- Послушай, Андрей, а где ты тут видел орла? – поинтересовался у кока Бенгалик, снова перебив вопросом возмущённого офицера. – Я лично слышал, что кто-то где-то кукарекает. В твоём Хрустальном Гусе орлы кукарекают, что ли?

Вся загоравшая компания рассмеялась.

- Алик, – вмешался Стёпа, – а я, вообще-то, услышал чириканье щегла, и мне захотелось этого щегла кое-куда послать.

- Ладно, – уже тише заговорил лейтенант, сильно покраснев то ли от солнечного жара, то ли от смеха и «комплиментов» матросов. – Значит, вы так, да?! – Он немного помолчал, а потом добавил с многозначительным видом: - Придётся мне доложить о вашем поведении старпому!

- Конечно, малыш, иди, докладывай, - согласился с ним Тарас. – Спеши скорее к Боссу и жалуйся хоть ему, хоть пылесосу, хоть самому псу Барбосу, только не мешай нам загорать. Мы три месяца солнца не видели, но тебе, салаге, этого не понять!

Лейтенант, наконец-то уразумев, что со старослужащими матросами ему не совладать, удалился, но спустя три минуты появился снова и, приблизившись к любителям солнечных ванн, торжественно произнёс:

- Старшина второй статьи Тарасюк вызывается к старпому!

- Ну вот, братцы, похоже, мне к загару хотят прописать ещё и увлажняющий крем! - Пётр встал с газона и, отряхнув от мусора свой тельник с голланкой, а затем надев их, вслед за лейтенантом пошёл на рандеву с Боссом.

- Та-ак, - протянул Ладин, - интересно, что старпом скажет Петру?

- Не сомневайся, Серёжа, он с Петюней будет «максимально вежлив»: парой ласковых слов точно не обойдётся, - ответил метрист торпедному электрику.

- После Петра, похоже, и нам всем надо приготовиться, - сделал предположение Вербицкий.

Так и оказалось. Через несколько минут из дверей казармы сначала с довольным видом вышел лейтенант, а затем появился и Тарасюк. Компания загоравших сразу обратила внимание на необычно вялую походку и побледневший вид бравого акустика.

- Старшина первой статьи Вербицкий, к старпому! – весёлым тенорком объявил лейтенант, и посерьёзневший кок в свою очередь отправился на очную встречу с начальством.

- И о чём ты говорил с Боссом, Пётр? – поинтересовался Ладин. – Почему ты так бледен?

Тарас с десяток секунд помолчал, как бы переводя дух, а потом стал рассказывать негромким голосом:

- Заходим, значит, с летёхой в кабинет, а там – старпом и ещё двое молоденьких «кадетов». Босс с ними о чём-то базарит. Увидел меня и вежливо попросил подойти поближе. Я, конечно, подошёл, и он со мной дружелюбно так заговорил, а потом вдруг как долбанёт в солнышко! У меня, блин, чуть кишки наружу не вылезли!

В это время из казармы, волоча ноги, вышел бледный Андрей, а вслед за ним выскочил и совсем повеселевший лейтенант, который громким голосом на рандеву со старпомом позвал уже Бенгалика.

- Держись, Алик! – в один голос пожелали метристу друзья.

Бенгалик, проходя мимо кока, тихо поинтересовался:

- Босс тебя бил?

- Да, разок ударил, неожиданно и сильно. - подтвердил тот. - Алик, когда он подойдёт к тебе близко, будь начеку!

Бенгалик с лейтенантом вошли в кабинет старпома. Там действительно, кроме Босса, стоявшего возле стола с внешней его стороны, находились ещё двое новобранцев Б-397: лейтенант и мичман, оба в таком же возрасте, как и первый офицер. Эти бравые ребята, увидев вошедшего Бенгалика, сразу же уставились на него пристальными взглядами, в которых светилось весёлое любопытство. Алик догадался: они ждут наказания старпомом ещё одного оборзевшего нижнего чина, и нашего морского волка это рассердило и настроило на противодействие грядущему беспределу.

- Подойди ближе, мой хороший, - приветливо улыбнулся старпом метристу, остановившемуся возле двери кабинета. – Хочу с тобой побеседовать по душам.

- А зачем подходить поближе? – сделал удивлённый вид Бенгалик. – Мне и отсюда всё хорошо слыхать.

- Вон оно как, – нахмурился Босс. – Так ты, выходит, меня, старпома, не уважаешь? Или чего-то боишься?

- Нет, товарищ капитан-лейтенант, - отверг Бенгалик предположения начальника, - я рад Вас видеть, но ближе, чем на дистанцию в три метра, подходить к такому большому начальнику просто не смею.

- Видали?! – восхищённый старпом повернулся к новобранцам экипажа, изумлённо взирающим на всё происходящее большими глазами. – Учитесь скромности и профессионализму у этого старшины! «На дистанцию в три метра…» - сразу виден опытный метрист! А какой скромник: валяясь на травке, обзывал меня пылесосом и Барбосом, а тут мгновенно стал паинькой!

- Не припомню, чтобы я упоминал какого-то Барбоса, – отверг и это обвинение «мгновенно ставший паинькой». - Я даже не могу вспомнить, кто это вообще такой.

- Тогда ладно, раз забыл, - вздохнул Петраковский, ленивой походкой направляясь к «скромнику». – Мы поступим так: если гора не идёт к Магомету, то Магомет сам придёт к забывчивой горе.

«Теперь будь наготове!» - мысленно приказал себе Бенгалик и взглянул на молодых офицеров подлодки.

Да, он не ошибся: эти ребята явно находились в предвкушении увлекательного зрелища. Ну что ж, это зрелище будет гораздо интереснее, чем все они, вместе с Боссом, предполагают!

- Бенгал, тебе не кажется, что твоё поведение не укладывается даже в рамки обычного приличия? – подойдя близко к метристу, мягким, чуть ли не жалобным голосом поинтересовался старпом. – Выходит, воинская дисциплина для тебя – пустой звук? Набился мне в племянники, добился всяких поблажек, а теперь почему-то считаешь, что тебе всё дозволено. Так, что ли, мать твою?!

«Сейчас ударит», - лишь только в уме Бенгалика промелькнула эта мысль, как в живот ему прилетел мощный удар старпома.

Однако метрист всё же успел напрячь пресс, иначе удар Босса согнул бы его пополам. Тем не менее этот удар всё равно оказался болезненным. Бенгалик, сделав пару глубоких вздохов и выдохов, поднял вверх большой палец и восторженно промолвил:

- Однако классный у Вас апперкот, товарищ капитан-лейтенант!

И неожиданно для старпома нанёс ему в живот ответный удар. Со стороны трёх молодых представителей офицерского состава послышались изумлённые возгласы. Босс, сурово сдвинув брови и побагровев лицом, несколько секунд взирал на оборзевшего нижнего чина глазами, полными гнева, потом просипел:

- А вот этого я тебе никогда не прощу!

- Ну и зря, – расстроился Бенгалик, – если кто-то хочет помахаться, то своего противника должен хотя бы немножко уважать!

- Ты хоть понимаешь, что ударил старшего по званию?!

- Понимаю, но сначала этот старший по званию ударил меня!

- Старшему по званию это простительно: один напыщенный господин из матросов обозвал его Барбосом!

- Это клеве… – возмутился Бенгалик, однако новый апперкот старпома остановил его фразу и даже, честно говоря, согнул в дугу.

Хоть в глазах метриста какое-то время и стояла темень, тихие переговоры и весёлые смешки офицеров он слышал вполне отчётливо. Никто из них не сомневался, что второй удар Босса окончательно сломал нахального старшину второй статьи.

«Что ж, моряк, раз взялся за дело, то решай вопрос свой до конца».

– А вот это уже не по правилам, – упрекнул старпома комод метристов, когда наконец смог распрямиться и немного восстановить дыхание. – Тогда уж какие могут быть претензии ко мне? – спросил он и тут же, недолго думая, нанёс в живот начальнику ещё один ответный удар.

- Всё! – взревел окончательно рассвирепевший Босс. – Вы, господин хороший, ведёте себя до предела нагло: посмели бить старпома. Бить старпома! Когда такое было на флоте?! Короче, юноша, отдыха на Русском Вам не видать, как своих ушей! Идите в кубрик и готовьтесь к другой поездке! Для начала объявляю Вам пять суток ареста с содержанием на гарнизонной гауптвахте! – Офицер несколько секунд насмешливо смотрел на оппонента по кулачному бою, ошеломлённого суровым наказанием, а потом, зловеще усмехнувшись, добавил к сказанному:

- А после твоего «отдыха» на губе надо будет подумать и о трибунале для такого неисправимого наглеца, как ты. Дисбат по тебе давно уже скучает. Пусть твой пример послужит уроком для всех твоих приятелей, а то вы все просто в корень оборзели!

Вечер воскресенья. В ожидании завтрашней поездки на остров Русский в команде царит приподнятое настроение. К Бенгалику, одиноко сидевшему на своей койке, подошли Тарасюк и Петренко. Акустики присели рядом с молчаливым метристом и тоже некоторое время молчали. Наконец Пётр заговорил:

- Алик, ты, конечно, молодец, что дал этому драчливому Боссу сдачи, причём сразу за всех нас. Но… может, ты зря его ударил?

- Может, и зря, - пожал плечами Бенгалик. – Что теперь об этом говорить?

- Алик, - вмешался Ваха, - а сколько раз я тебя предупреждал о благоразумии?! Какого чёрта ты взялся драться со старпомом?! Ты что, не представлял последствий своего поступка?!

- Ладно, Ваха, – остановил своего коллегу Тарас, – чего капаешь Алику на мозги? Ему сейчас и так несладко! – Он повернулся к молчащему Бенгалику:

- Теперь уже что случилось, того не изменить. Пошли в Пентагон – пока не сел на губу, хоть там оторвёшься по полной программе.

Бенгалик, грустно усмехнувшись, отрицательно покачал головой:

- Нет, Пётр, для самохода нет настроения, иди без меня. – Потом добавил: - Губа – это так себе. Босс намекнул мне про дисбат. Если ещё и с самоходом залечу, тогда «дизель» мне уже точно обеспечен.

Ясное дело, дисбат – вообще наихудшее, что с ним может произойти, но разве криминальный самоход в скучный Пентагон мог заменить ему заслуженный отдых с друзьями на

Русском острове? Путешествие, которое для него могло быть наполнено жарким солнцем, ласковым морем и интересными приключениями.

Что же за беда такая: почему с островами ему так хронически не везёт - ни с тропическими, ни даже со здешними? И вообще, Земля его Мечты по-прежнему скрывается от него где-то в таинственной дали, а прямо по курсу вырисовывается парочка печально всем известных казённых воинских учреждений. И с одним из этих учреждений он знаком не понаслышке: отсидел пять суток ареста на губе Флотского экипажа ровно год назад.

Глава 4. Незлопамятный старпом. Жажда Открытий. Заколдованный остров и таинственный мыс

Эй! Мой друг, гляди веселей:
Выпьем мы за тех, кто шёл в просторы морей!
Кто Открытия миру вершил,
Быть может, дней своих всех не прожил!

Есть где-то в море острова - я вижу!
О них сказала нам людская молва - я слышу!
Закат в полнеба догорает, маня…
Мы верим карте, нас ждёт удача,
И мы придём туда, друзья!

Строки из песни «Жажда Открытий» (автор: Олег Спицын), альбом №3 «Странствующие менестрели»

Уважаемые читатели, у автора саги не было сомнений, что к двум последующим главам повести №6 нужны эпиграфы со строками именно из романтической баллады «Жажда Открытий». Впервые фрагмент данной песни стал эпиграфом ко всей повести №2 «Когда я любовался огнями Сингапура». Эта песню я посвятил людям, стремящимся познать неизведанное - первопроходцам, первооткрывателям. К тому же в этих главах я перехожу к рассказу об «островных» приключениях героев саги.

Понедельник, 2 августа, утреннее время. Этот день, как и все предыдущие, обещает быть солнечным и жарким. Более половины команды Б-397 готовится к отплытию на катере на остров Русский для трёхнедельного отдыха в санатории. У моряков хорошее настроение: слышатся весёлые шутки, радостный смех, иногда - песни на романтические темы. Но эта всеобщая радость не касается только одного моряка – Бенгалика, который с отсутствующим видом сидит на своей койке, меланхолично наблюдая за праздничной суетой в кубрике. Он морально готов совсем к другой поездке - на гарнизонную гауптвахту - и лишь ожидает для этого соответствующего распоряжения старпома.

К наказанному метристу время от времени подходит кто-нибудь из товарищей-матросов, выражает ему сочувствие и какими-нибудь ободряющими словами старается поддержать его духовные силы. Метрист каждому признательно улыбается в ответ, но старается в смысл сочувственных слов особо не вникать, чтобы психологически не расклеиться.

Наконец команда вышла из казармы для посадки в автобус. В кубрике остались только дежурная служба и готовый к поездке на губу Бенгалик (вторая половина команды в это время работала на лодке). Прошло примерно от пяти до семи минут. Метрист прислушался: снаружи по-прежнему слышались шутки, смех и разговоры - моряки вместо посадки в автобус почему-то продолжали находиться возле казармы. В чём дело? Ждут напутственных слов какого-нибудь высокого начальника?

В это время возле входной двери кубрика послышались чьи-то тяжёлые шаги, и в помещение зашёл старпом. Бенгалик понял: вот оно - настала и его очередь «отдавать швартовые»! Босс прошёл по средней палубе кубрика до уровня метриста, сидящего на койке, и, не сходя с центральной оси помещения, остановился, взирая на него строгими глазами.

- Ну, - сердито буркнул он, - и чего мы тут восседаем, как король на именинах? Вы что, господин хороший, ждёте особого приглашения?

- Почему? – удивился Бенгалик. – Жду приказа и сопровождающего.

- Он ждёт сопровождающего, – хмыкнул старпом, потом с сарказмом поинтересовался:

- Вам, мой хороший, хватит одного сопровождающего или Вы согласны только на парадный кортеж? Может, для Вас ещё вызвать военный оркестр с тубой, флейтами и барабаном? Ты, дружок, как я погляжу, оборзел до крайности: вся команда ждёт его одного, а он тут восседает солнцеликим пномпенем! А ну, марш в строй!

Бенгалик некоторое время смотрел на старпома непонимающими глазами, а потом растерянно поинтересовался: - А как же… губа?

– Выходит, санаторий на Русском тебя уже не удовлетворяет? – нахмурился Босс. – Тебе очень хочется на губу? Так, что ли?

- Нет, не хочется, – помотал головой Бенгалик, чувствуя прилив радости, смешанной с благодарностью к незлопамятному старпому.

- Ну тогда быстро хватай свои вещи и в строй, - не удержавшись от улыбки, не столько приказал, сколько мягко посоветовал Петраковский. – Только дай мне слово, что старпома больше бить никогда не будешь. Если потом его нарушишь, знай, что поедешь не только на губу, но и в места не столь отдалённые!

- Даю слово! – пообещал Бенгалик. Ему захотелось подойти к Боссу, сказать какие-нибудь слова благодарности, но тот в этот момент, кивнув, резко повернулся и пошёл к выходу из кубрика.

Катер переправил через пролив Босфор Восточный на остров Русский группу моряков-отпускников с подводной лодки Б-397. Примерно через час, обосновавшись в уютном кубрике здания военно-морского санатория, который стоял неподалёку от берега бухты Аякс, они оживлённой гурьбой устремились на его пляж - купаться и загорать.

Бенгалик, заметив рядом с санаторием несколько жилых многоэтажных домов городского типа, надеялся на пляже увидеть каких-нибудь особ прекрасного пола. Однако их там не оказалось. Зато его внимание привлекли несколько шлюпок, по-видимому, приготовленных для небольших вёсельных прогулок отпускников. У экстремала сразу же возникла идея в один из дней отдыха совершить морской круиз на одном из этих судёнышек. Только вот «небольшая прогулка» его не прельщала, хотелось путешествия, достойного такого морского волка, каким он стал с некоторых пор.

Прошло более часа беспечного пляжного отдыха. Вдоволь накупавшись, более половины отпускников, разделившись на две команды, приняли решение сыграть в футбол на одной из площадок, а после этой игры - уже на другой площадке, меньших размеров, - сразиться в волейбол через сетку. Таким образом, любители спортивных игр более двух часов тусовались на спортивных площадках, радуясь, как дети, солнцу, свежему воздуху и движению.

Затем, пообедав в столовой санатория, часть моряков-спортсменов пошла в кубрик отдыхать от физнагрузки и смотреть по телевизору художественный фильм, а шестеро из них, после океанского похода увлечённые шахматами, организовали по этой игре между собой круговое соревнование. Бенгалик, как и в двух турнирах похода, в этом состязании также занял первое место. Однако в этот раз его ученики – Вася Мурашов и Андрей Вербицкий - оказали ему гораздо более сильное сопротивление, чем это было в дальнем плавании.

Особенно сильно играл Василий. Однако Алику, который первую партию с Мурашом проигрывал по ходу почти всей игры, в эндшпиле всё же удалось свести её вничью, а вторую он выиграл, но с огромным трудом. В результате Василий, обыграв остальных участников, и в этом санаторном соревновании взял привычное для себя второе место.

После изысканного ужина некоторые ребята пошли играть в бильярд, а Бенгалик принял участие в небольшом соревновании по пинг-понгу. В нём он занял уже второе место, проиграв в финале из трёх партий только мастеровитому Сергею Ладину - 1:2. Однако то, что он у доселе непобедимого Ладина выиграл одну партию, а ещё в двух партиях практически бился на равных, было для него очень хорошим результатом.

Перед сном Бенгалик решил прогуляться по берегу бухты Аякс и, немного не дойдя до мыса под названием Второй Утёс, присел на небольшое каменистое возвышение. Перед его глазами в лучах заката расстилалась широкая гладь Уссурийского залива, а невдалеке виднелся какой-то скалистый островок с зелёной поляной наверху. На этой поляне виднелось здание белого цвета. И море, и этот островок оказывали на метриста умиротворяющее воздействие и настраивали на романтический лад.

«Погоди-ка, так это же остров Скрыплёва! – вдруг пришло ему в голову. – При каждом выходе лодки в море я передавал до него пеленг и дистанцию в штурманскую рубку. А белый домик на его полянке – маяк. До этого островка прямо рукой подать. А что, если побывать на нём вживую, взобраться наверх к маяку, разгадать все островные тайны? Но в одиночку мне догрести до него на шлюпке не получится. Завтра уговорю кого-нибудь из ребят составить мне компанию, и, объединив наши усилия, мы легко сможем добраться до Скрыплёва на шлюпке. Главное – чтобы не было штормовой погоды».

Бенгалик, как метрист, сидя на вахте перед экраном своей надёжной станции «Альбатрос», всегда мог точно определить дистанцию до морских целей и расстояние до любого клочка суши в круговом диапазоне пятидесяти морских миль. Но в тот раз, глядя с берега Русского на Скрыплёв, он допустил ошибку: расстояние до островка было гораздо большим, чем он тогда прикинул на глазок.

Дело в том, что морской простор хитрым образом скрадывает большие расстояния, выдавая их за маленькие. Если верить географическим картам, то расстояние от бухты Аякс до Скрыплёва никак не меньше четырёх километров. А если учитывать путь по крутым морским волнам при сильном ветре или уже разгулявшемся шторме такого утлого судёнышка, как вёсельная прогулочная шлюпка, то такое на вид «лёгкое путешествие» в реальности могло оказаться довольно трудным и даже опасным мероприятием.

Утром погода, как и во все предыдущие дни, была солнечной и ясной. Море было спокойным, и Бенгалик быстро нашёл пятерых единомышленников, изъявивших желание побывать вместе с ним на острове Скрыплёва. Отправиться в путешествие выразили желание Мурашов, Техзиб, Панюшкин, Фефелов и Урбагаров.

Сразу же после изысканного завтрака исследователи таинственных островов, отобрав для своего круиза одну из шлюпок и взяв с собой запасное весло (на всякий пожарный случай), благополучно отчалили от берега. По акватории бухты шлюпка шла ходко, ветра почти не ощущалось, волна была пологой - грести было легко и приятно. Однако, когда они вышли на простор залива, ветер стал резко усиливаться, волны увеличили свою крутизну, и грести с каждым десятком метров становилось всё труднее.

Путешественники, усаживаясь за вёсла по двое и меняясь через равные промежутки времени, гребли изо всех сил, но загадочный островок почему-то всё никак не хотел к ним приближаться. В то же время ветер буквально с каждой минутой усиливался, мешая гребле, а волны начали уже захлёстывать через борта внутрь шлюпки, окатывая путешественников брызгами с головы до ног.

- Алик, - обратился Василий Мурашов к организатору экспедиции, - похоже, шторм усиливается. Может, вернёмся? До острова ещё неблизко, но где гарантия, что, даже дойдя до Скрыплёва, мы сможем вернуться в санаторий к обеденному времени?

- Да, Алик, принимай решение, - поддержал Мураша Техзиб. – А если мы с этого грёбаного Скрыплёва вообще вернуться не сможем, весь наш отдых пойдёт коту под хвост, ведь начальство нам этого ни за что не простит и попрёт из санатория взашей! Причём отправит назад, на базу, даже не дав попробовать санаторный обед!

Бенгалик, сидя на носу шлюпки, оглянулся на островок. Было такое впечатление, что Скрыплёв, как они к нему ни стремились, был всё время от них почти на одном и том же расстоянии. А вот волнение в акватории залива в скором времени действительно грозило перейти в шторм. В таких условиях он рисковать отдыхом и жизнью ребят права не имел. Опять же, оставлять ребят без санаторного обеда было как-то не по-корефански.

- Так и быть, возвращаемся, - нехотя согласился метрист с пожеланиями обоих мотылей.

Пока разворачивались и шли обратно по заливу к бухте Аякс, ветер и крутая волна не унимались. Но только лишь зашли в бухту, как волнение моря, словно по волшебству, сразу улеглось. Бенгалик с удивлением воззрился на Уссурийский залив, однако каких-то крутых волн он не разглядел – ни вблизи Скрыплёва, ни чуть дальше от него, там, где они только что «имели счастье» побывать.

- Братцы, гляньте, - услыхал он изумлённый голос Фефелова, - как только вернулись, так и весь шторм сразу куда-то подевался!

- Может, после обеда попробуем сбегать на Скрыплёв ещё разок? – в шутку предложил Бенгалик. Однако ребята восприняли её всерьёз.

- Ты что, Алик?! – воскликнули одновременно Фефелов и Панюшкин. – Мы устали, да и планы на вечер были другими!

- Ну ладно, раз так, - согласился с друзьями Бенгалик и тут же внёс новое предложение: - А давайте завтра организуем новую экспедицию!

- Конечно, если будет хорошая погода, - ответил Пан, которому, похоже, тоже хотелось побывать на таинственном островке.

Бенгалик и Баясхал, сытно пообедав, вышли из столовой.

- Ты знаешь, Алик, - обратился торпедист к метристу негромким голосом, - я, наверное, больше не поплыву к этому островку. Ты только не подумай, что я боюсь шторма!

Бенгалик взглянул на друга, вид у того был смущённый.

- Ну что ж, Боря, - вздохнул он, - жаль, конечно. Ну, тогда нам придётся к Скрыплёву сплавать без тебя.

- Дело в том, - решил до конца объясниться Борис, - что меня во время этого похода прилично укачивало, понимаешь?

- Понимаю, - кивнул Бенгалик, - если на море не будет шторма, то мы и впятером доплывём. А может, к нашей компании ещё кто-нибудь прибьётся.

Утро нового дня опять выдалось солнечным и ясным. На море установился поистине мёртвый штиль. Однако, как ни уговаривал организатор экспедиции других моряков сплавать с ним на Скрыплёв, все в один голос отвечали, что у них на этот день запланированы другие дела. Мало того, в отказ пошёл и Вася Мурашов. Оказывается, группа любителей шахмат запланировала в этот день провести ещё один турнир, и Василию, ставшему в экипаже Б-397, пожалуй, самым страстным поклонником этой интеллектуальной игры, очень не хотелось его пропускать.

- Ну и что нам теперь делать? – спросил Бенгалика расстроенный Саша Панюшкин. – Погода сегодня хорошая, а завтра может оказаться хуже - попробуем до Скрыплёва догрести вчетвером?

- Попробуем, - согласился тот с предложением Пана. - Волн и ветра нет – дойдём в лёгкую! Только возьми с собой фотоаппарат. Надо запечатлеть на фотоснимках наши географические открытия.

Четверо моряков подошли к своей вчерашней шлюпке, вставили вёсла в уключины, столкнули её на воду и уже хотели отчалить, как вдруг их окликнул голос Урбагарова. Путешественники повернулись лицом к берегу, поджидая бегущего к ним бурята. Баясхал приблизился и, переведя дыхание, с виноватым видом обратился к метристу:

- Алик, как хорошо, что вы не уплыли без меня! Я тут подумал: вас ведь осталось всего четверо – надо обязательно вам помочь, мало ли что может в море случиться, правда ведь?

- Правда, Боря, - улыбнулся Бенгалик, - твоя помощь нам кстати!

Кораблик «первооткрывателей» бойко пошёл по ровной глади бухты Аякс, и они уже подумали, что нынешнее путешествие станет для них более удачным, чем вчерашнее. Но то, что происходило сутки назад, повторилось и в этот раз: как только шлюпка вышла на простор залива, так сразу же ветер стал крепчать, а волна усиливать свой гнёт.

- Ребята, навались на вёсла! – скомандовал Бенгалик. – Сегодня мы обязательно должны дойти до Скрыплёва!

Все дружно кивнули головами, молчаливо соглашаясь с организатором экспедиции, и, невзирая на шквалистый ветер, разгонявший по заливу крутую волну, продолжили упорно грести к цели своего путешествия. До Скрыплёва уже было рукой подать, каких-нибудь двести - двести пятьдесят метров, но, как вояжёры ни налегали на вёсла, у Бенгалика вдруг появилось ощущение, что они к этому островку стали не столько приближаться, сколько отдаляться.

- Да что это такое! – в сердцах воскликнул Фефелов, оглянувшись и прекратив грести. – Братцы, до этого островка, оказывается, не так уж и близко! Да и какой-то он заколдованный: в том белом домике наверху наверняка обитают чародеи, и они к своему жилищу никого не подпустят даже на пистолетный выстрел!

- Что будем делать, Алик? – поинтересовался у метриста Панюшкин. – Мы уже устали, а надо ещё возвращаться назад. Да и шторм сегодня реально усиливается. На небе тучи появились!

Бенгалик взглянул на небо: по нему действительно неслись стаи потемневших облаков. Потом бросил взгляд в сторону «заколдованного» Скрыплёва: за последние десять минут они к нему как будто не приблизились ни на метр.

«Тут реально что-то нечисто, – подумал он. – Хотя вряд ли здесь замешано колдовство. Возможно, мы попали в какое-то течение, которое нас от острова отталкивает. К тому же погода действительно меняется к худшему: вон как нас на волнах подбрасывает! Придётся возвращаться назад, пока совсем не выбились из сил».

- Внимание, братцы, возвращаемся в Аякс! – подал он команду. - Начинаем быстрый разворот: левое весло греби, правое табань!

Действуя распашными вёслами, развернулись быстро, но дальше дело снова пошло не по плану. Бухта Аякс осталась в стороне справа, а шлюпку путешественников прибило к каменистой косе, которая подходила к высоким пустынным скалам.

- И куда же мы причалили? – поинтересовался Фефелов, разглядывая скалы. – Не сомневаюсь, этот берег тоже хранит какие-то тайны! Интересно, есть ли тут поблизости «островки цивилизации», чтобы хотя бы купить сигарет?

- Мы пристали к мысу, который видели на выходе из нашей бухты, - ответил ему Панюшкин. – Кажется, его название – Балка. Нам не повезло с экспедицией на Скрыплёв, но исследовать близлежащие окрестности на этом берегу нам ничто не помешает. Может, встретим здесь продуктовый магазин и чего-нибудь купим.

- Да, - согласился с Паном Бенгалик, - но сначала сделаем несколько снимков на этом мысе – для мировой истории, чтобы «всякая ленивая гофра» знала, что и наша экспедиция

совершила кое-какие географические открытия на этой грешной Земле. Для начала я полезу на вершину этого «неприступного» утёса, а кто-нибудь зафиксирует на фотоплёнке, как я его отважно покоряю. А потом будем уже все вместе фотаться наверху. Согласны?

Вся компания приняла его инициативу с восторгом. Сделав на мысе Балка несколько снимков, исследователи собрались в пешую экспедицию по близлежащим окрестностям. И тут возник вопрос: а что делать со шлюпкой? В конце концов моряки решили тянуть жребий на её вахтенного, и вышло так, что охранять плавсредство должен был остаться Лёха Техзиб, а остальные пообещали купить в первом же встреченном магазине всё, что его душа только пожелает.

Глава 5. Бдительный Лис с бухты Парис. Тренировки с Качунасом и тесты моряков

А там лагуны чистой влаги полны,
И в том не ведают вины.
Сияют звёзды ярче здешней луны,
И не всесильны подлецы и болтуны!

Строки из песни «Жажда Открытий» (автор: Олег Спицын), альбом №3 «Странствующие менестрели»

Решено – сказано – сделано. Компаньоны, обсудив свой пеший маршрут и собираясь уходить, повернулись к Техзибу, одиноко сидевшему в шлюпке. Лёха поднял правую руку в знак прощания, Панюшкин его сфотографировал, и четверо путешественников направили свои стопы в левую сторону острова, уходя дальше от санатория. Сначала они шли по грунтовой дорожке, проложенной через лесок, а затем свернули ближе к заливу - туда, откуда взору открывалась водная гладь какой-то бухты. Подойдя ближе к берегу, путешественники обратили внимание на недалёкий скалистый островок, которого они из бухты Аякс видеть не могли. За ним виднелся мыс, далеко выступавший в залив; на его оконечности красовалась довольно высокая гора.

- А может, прогуляемся к тому мысу? – предложил Пан. – Пойдём вдоль берега, день жаркий – может, найдём место для купания…

- Братцы, атас! – вдруг прервал Александра тихий голос Фефелова. – Справа от нас - надводники!

Все дружно взглянули в правую сторону: к ним действительно приближались три моряка надводного флота – молодой рыжеволосый офицер в звании лейтенанта и два матроса, одетые в рабочую униформу белого цвета.

- Так, попрошу вас остановиться! – приказал путешественникам лейтенант. – Представьтесь, пожалуйста: кто вы, откуда, и назовите причину вашего появления в неположенном месте!

- А что, вы не видите, что мы подводники? – сердито спросил его в ответ Баясхал, намекая на синие форменки четверых моряков.

- Нет, не вижу! – отрезал офицер. Он окинул подводников неприветливым взглядом. – Вы, уважаемые, больше похожи на махновцев, чем на военных моряков! Почему одеты не по форме? – Лейтенант намекал на то, что все четверо искателей приключений были без воинских головных уборов и обуты в кеды.

- Просто мы отдыхаем на Русском после дальнего океанского похода, - спокойно ответил ему Бенгалик, надеясь уладить конфликт. – Извините, мы не знали, что находиться здесь не положено.

Но рыжеволосый лейтенант, невзирая на миролюбивый тон метриста и его извинения, продолжил свой агрессивный наезд:

- А вот лично я ничего не знаю насчёт ваших океанских походов! Вы здесь появились на шлюпке не со стороны Аякса, а со стороны Скрыплёва. Бухта Парис – запретная зона: откуда мне знать, что вы не вражеские диверсанты?

«Ого! Так за нами, оказывается, давно ведётся слежка!» - мысленно удивился Бенгалик.

- Что ты такое говоришь, лейтенант?! – возмутился Фефелов. – Какие ещё диверсанты?!

- Как вы разговариваете со старшим по званию?! – возмутился Рыжий в ответ. - Попрошу вас пройти с нами, необходимо разобраться с вашим подозрительным появлением в этом месте!

Экстремалы переглянулись: дело принимало нешуточный оборот.

- Нам некогда, - с мрачным видом ответил надводнику Саша Панюшкин. - У нас уже скоро по расписанию обед, так что надо двигать в свою часть. Просим прощения за беспокойство!

- Нет, вы пойдёте с нами! – продолжал настаивать лейтенант.

И тут Бенгалику пришло в голову, что этот молодой офицер, произведя задержание предполагаемых диверсантов, таким образом просто из кожи вон лезет, чтобы выслужиться перед начальством: он якобы проявил повышенную бдительность. Этого Лиса с запретного Париса потом представят к медали «За отличие в охране государственной границы», а их всех, по его милости, вместо отдыха в санатории будут весь месяц по допросам таскать.

- Никуда мы с вами не пойдём! – решительно заявил он бдительному офицеру. – Мы не сделали ничего противозаконного, просто гуляли по острову во время своего отдыха. Имеем на это полное право. И не советую вам применять по отношению к нам силу!

Лейтенант, разгневанный его ответом до самых глубин ответственной души, повернулся к одному из матросов патруля:

- Дементьев, а ну-ка шустро доложи старшему лейтенанту Алябьеву, что четверо подозрительных субъектов оказали сопротивление! Пусть вышлет нам подкрепление!

- Быстро - к шлюпке! – шепнул Бенгалик компаньонам.

Пока офицер отдавал распоряжения подчинённому, стоя спиной к подводникам, они, дружно развернувшись, быстрым шагом устремились в обратном направлении.

- Так! Вы куда?! – послышался позади крик лейтенанта. - Приказываю вам вернуться!

Однако моряки с Б-397 и не подумали подчиняться его приказу. Прошедшие океанские бури, они не привыкли поддаваться диктату посторонних лиц, пусть и старших по званию. Вскоре экстремалы, идя быстрым шагом, возвратились к мысу Балка и увидели, что Техзиб, оставленный для охраны шлюпки, сидя в ней, упражняется в искусстве гребли, находясь примерно в двадцати метрах от косы.

- Лёха! – стали громко звать мотыля все четверо, торопливо спускаясь со скал и делая призывные жесты руками. – Ты что там прохлаждаешься?! Давай скорее греби сюда!

Техзиб, налегая на вёсла изо всех сил, быстро подгрёб к четвёрке запыхавшихся исследователей «земли незнаемой».

- Братцы, меня тут, без вас, чуть не арестовали надводники! – возбуждённо сообщил он друзьям, взирая на них большими глазами. – Даже шлюпку хотели отнять, но я вовремя от них слинял!

- Молодец, Лёшка! - похвалил мотыля Бенгалик. - С нами они хотели сделать то же самое!

- Только хрен они получили! – добавил Баясхал.

- И получат ещё круче! - пообещал Пан. – Братва, скорее сваливаем, преследователи уже близко!

Вся компания в темпе расселась по банкам. Панюшкин и Фефелов взялись за вёсла, и шлюпка путешественников, стремительно отчалив от негостеприимного мыса Балка, вырвалась на вольный морской простор. Когда мореплаватели находились уже примерно в пятидесяти метрах от косы, они увидели, как на скалах мыса появилась многочисленная группа моряков, одетых в униформу белого цвета.

Причалив к берегу бухты Аякс, пятёрка путешественников, не мешкая, выскочила из своего кораблика и бегом устремилась во двор санатория. Как они и предполагали, все моряки Б-397 сидели на скамейках возле столовой в ожидании скорого обеда. Панюшкин и Бенгалик коротко рассказали собратьям о приключениях своей экстремальной компании, начиная с причаливания к мысу Балка и до «героического улепётывания» от придирчивых надводников.

Собратья это событие оживлённо обсудили и приняли единогласное решение: если на территории санатория вдруг появятся представители надводного флота в поисках не подчинившихся патрулю экстремалов, то вся группа отпускников, сразу же оставив все дела, разбегается в разные стороны, куда глаза глядят.

Всё произошло, как и было запланировано. Лишь только гвардейцы Б-397 отобедали, как перед ними нарисовался замполит лодки Жарков, всю эту неделю обеспечивавший отдых группы (а больше сам отдыхавший). Он с сумрачным видом объявил о построении группы отпускников в помещении кубрика санатория. Это построение якобы объявлялось в связи «с прояснением какого-то ЧП». Внимательно выслушав распоряжение замполита, все моряки покинули кубрик и тут же разбежались по окрестностям острова Русский.

- Алик! – окликнул засовец Качунас метриста, направлявшегося к берегу быстрым шагом. – Хочешь пойти со мной? Я тут поблизости надыбал небольшой пляжик. Представляешь, если даже подойти к нему в упор, его так просто не увидеть – вокруг сплошная растительность! А какой там песочек!.. А какая в той лагуне водичка!.. Тёплая-тёплая и будто слеза – нырнёшь в маске, и всё вокруг себя видишь, как в аквариуме!

- Маску с собой прихватил? – поинтересовался Бенгалик.

- Обязательно, – улыбнулся Сергей и показал нехитрые принадлежности для снорклинга. – Там, на дне пляжа, много морских звёзд, выбирай любую для дембельской коллекции.

«Ну вот, - мысленно усмехнулся Бенгалик, - мне по жизни больше не встречается моя Морская Звезда в человеческом обличье, придётся достать себе со дна реальную морскую звёздочку».

Вскоре Сергей с Аликом пришли на тот самый пляж. Он, как его Качунас и описывал, действительно оказался райским местечком. Для начала моряки просто искупались и с полчаса позагорали. Потом по очереди стали нырять в маске, отыскивая себе звёзды.

Вода, как и говорил Качунас, в этом месте была кристальной чистоты. Алик в своей жизни никогда раньше не видел такой прозрачной воды. В реках Западной Сибири - Уене, Кашламе, Ине и Оби, на которых ему приходилось бывать, а также в Обском море, она обычно была мутной. В горных реках Алтая и Кузнецкого Алатау он через несколько лет тоже увидит кристально чистую воду, но дело в том, что в этих бурных потоках нет обитания такого большого количества необычных, красивых существ и растений. При этом в горных реках комфортно не покупаешься.

Вдоволь нанырявшись и достав со дна по несколько звёзд на брата, отпускники решили позагорать. Некоторое время они расслабленно лежали на горячем песке. Бенгалик уже чувствовал, что постепенно проваливается в дрёму, как вдруг Сергей промолвил тихим голосом:

- Алик, давай сейчас ещё разок просто искупаемся, а потом немного потренируемся. Я тебе покажу кое-какие приёмы из боевого самбо. Если вдруг кого-то из нас какие-нибудь мерзавцы захотят обидеть или повязать, мы им покажем, где раки зимуют!

Удивлённый Бенгалик присел на песке. Он до службы слыхал о некоем боевом самбо, очень эффективном единоборстве, но что оно из себя представляет, не знал. В гражданской жизни ему иногда встречались крепкие ребята, занимавшиеся спортивным самбо. Этот вид единоборства был в СССР достаточно распространён, но Качунас сейчас повёл речь именно о боевом самбо.

- Ты знаешь приёмы боевого самбо? – решил уточнить Бенгалик у Сергея. – Где ты им занимался? Кто тебя научил?

- Алик, - расплылся тот своей обаятельной улыбкой, - неважно, кто меня учил, главное, что я кое-чем владею! Совместный отдых и тренировку я предложил тебе по-дружески, чтобы помочь скрыться от надводников и отбиться, если что. Да и, честно говоря, мне самому нужен спарринг-партнёр. Вот я и решил выбрать тебя.

- Спасибо, Серёга! – поблагодарил Алик Качунаса. – Ценю твоё доверие! Ну тогда давай начнём треню, чего время зря терять.

Более часа моряки занимались боевым самбо. Потом ещё раз искупались, оделись и перед уходом присели на бережке, глядя на морской простор.

- Классно мы с тобой позанимались, Алик, - решил подвести итоги тренировки Качунас. - Ты хороший спарринг-партнёр, удар у тебя поставлен без замаха, причём с обеих рук. Где так бить научился?

- Я до службы почти три года занимался боксом, - не стал скрытничать Бенгалик. - Несколькими видами спорта увлекался, но профессионалом не стал – на флот забрали. Но сейчас я не так силён, как прежде, ослаб после похода: мышцы и дыхалка стали не те.

- Вот поэтому мы с тобой и должны регулярно тренироваться, — убеждённо молвил Качунас. – Нужно срочно восстанавливаться! Завтра прямо с утра сделаем до этого пляжа пробежечку, искупаемся и снова позанимаемся самбо. Согласен?

Последующие два дня Алик с Сергеем, прибегая с утра на свой тайный пляж, продолжили занятия по боевому искусству. За это время к отпускникам с Б-397 из части, дислоцированной в районе бухты Парис, больше никто не наведывался. Все моряки постепенно успокоились, хотя бдительности старались не терять.

На третий день после шлюпочного похода пятёрки Бенгалика для всей группы отпускников с Б-397 были организованы разнообразные психологические тесты, а также проверки на физические кондиции и состояние здоровья (кто был организатором проверок – в настоящее время неизвестно). У Бенгалика, в связи с вспыхнувшей в нём увлечённостью боевым искусством и другими занятиями физкультурой, возник повышенный интерес к познанию границ своих возможностей. Ему захотелось во всех этих проверках и тестах показать лучший результат в группе.

Всего различных проверок было не менее десятка, поэтому среди тридцати пяти участников стать лучшим во всех из них было просто нереально. Но неожиданно даже для самого Бенгалика его результаты действительно оказались неплохими. Например, при тесте на объём и силу лёгких он занял третье место, а ещё по двум проверкам он вообще оказался самым лучшим в группе. Восстанавливаемость Алика после любых физических нагрузок оказалась самой быстрой среди участников тестов, а результат проверки на скорость реакции изумил не только его самого, но и всю группу. Дело в том, что скорость реакции метриста вдвое превзошла скорость реакции его ближайшего «конкурента», а результаты основной массы проверяемых он вообще перекрыл от трёх до четырёх раз! Что было тому причиной – занятия боевым искусством или реактивная воинская специальность – он так и не понял.

Глава 6. Пешая экспедиция пятёрки Бенгалика. И море здесь, как будто, лежит как на ладони

И море здесь, как будто, лежит как на ладони,
И в небе синем птица свободная парит,
И солнце, восседая владыкою на троне,
Мне одному тайком благоволит.

Строки из песни «И море здесь, как будто, лежит как на ладони» (стихи: Олег Спицын – Владимир Печёркин, музыка: Олег Спицын), альбом №1 «Железные Ангелы»

На следующий день Бенгалик и Качунас, чувствуя некоторую усталость, решили тренировку пропустить. Метрист задумал посвятить этот день обычному отдыху: купаться и загорать, нежась под лучами солнца на пляже Аякса. А ещё у него теплилась надежда, что уж за целый-то день на этом пляже, в конце концов, должны появиться какие-нибудь молодые особы прекрасного пола.

Неужто в этих близстоящих к санаторию жилых домах совершенно не обитают какие-нибудь заметные глазу индивиды из другой половины рода человеческого, пожелавшие охладить в морской воде свою горячую плоть, а затем и погреть её на ласковом августовском солнышке? Однако его «донжуанским» планам сбыться было не суждено. Лишь только Бенгалик позавтракал, как к нему подошла четвёрка его компаньонов по морским экспедициям.

- Алик, - заговорил Саша Панюшкин, - а ведь наши экспедиции на шлюпке были реально крутыми! Мы все тебе благодарны за твои задумки, до сих пор их обсуждаем. И потом, ты только глянь, какие у нас получились на память классные снимки!

И радист продемонстрировал метристу несколько напечатанных фотографий. На одной из них Алик на круто накренившейся шлюпке грёб веслом к «заколдованному» острову Скрыплёва; на другой покорял «неприступный» утёс на мысе Балка; на третьей уже помогал взобраться на эту скалу Панюшкину; на четвёртой Лёха Техзиб, оставленный в одиночестве охранять шлюпку, подняв руку, прощался с четвёркой друзей, направлявшихся к бухте Парис…

- Да, действительно классные фотки получились, – согласился с Паном Бенгалик. – Для меня тоже напечатали?

- Конечно, сразу печатали для всех пятерых, - заверил его Фефелов, - но сейчас мы к тебе подошли по другому поводу. Видишь ли, у нас возник план продолжить наши экспедиции, но только уже пешком. И пойдём мы в другую часть Русского, подальше от бухты Парис.

- И хотим сделать побольше снимков о наших приключениях, - снова заговорил Пан. - Мы пожалели, что не засняли со шлюпки уже близкий к нам Скрыплёв. Да и того летёху с Париса со всеми его патрульными, что стояли на Балке с носом, тоже надо было сфоткать. Потеряли такие клёвые кадры!

Ну как искатель приключений мог отказаться от таких «далеко идущих» планов? Тем более было ясно: в этот день на пляже Аякса какие-то особы прекрасного пола, да ещё и «заметные глазу», не появятся. Единственное, что он предложил друзьям: по пути в северо-западную часть острова завернуть на некий небольшой пляжик и с полчасика там покупаться, чтобы освежиться и зарядиться энергией для дальнейшей экспедиции. Компаньоны сразу же согласились с его разумным предложением.

Сначала они пошли по асфальтовой дороге вдоль побережья острова, а потом по грунтовой дорожке стали всё дальше углубляться в лес, пока не оказались на территории какого-

то старого артиллерийского форта (возможно, форта Поспелова), расположенного на возвышенности. С форта открывался шикарный панорамный вид практически на всю оконечность северо-западной части острова Русский, окаймлённую с одной стороны проливом Босфор Восточный, а с другой – какой-то бухтой (скорее всего, бухтой Новик). Артиллерийских орудий на форте не было, только каменные строения и казематы.

Исследователи с интересом обследовали это старинное оборонное сооружение, сделали на память несколько фотографий и двинулись в дальнейший путь. Через какое-то время они неожиданно для себя вышли на территорию пионерского лагеря. Несмотря на летний сезон, отдыхавших пионеров в нём не оказалось. Моряки, с любопытством оглядываясь по сторонам, прошли мимо безлюдных деревянных домиков и вышли на площадку с качелями, каруселями, гимнастическими брусьями и кольцами.

Решив сделать ряд снимков на этих снарядах, они дали волю эмоциям, по-детски разыгрались и развеселились. В тот момент им показалось, что их суровая служба благополучно завершилась и для них наступило время полной свободы от волнений и тревог. В таком легкомысленном настроении компания и вышла на территорию какой-то флотской воинской части.

Судя по стендам и плакатам, расставленным вдоль тщательно вычищенных от мусора асфальтовых дорожек, это воинское подразделение принадлежало к одной из многочисленных учебок надводного флота, расположенных на обширном пространстве острова Русский. Все эти учебки назывались «школами»: Школа связи, Школа оружия, Школа радио и так далее. На одном из стендов было указано, к какой из школ принадлежала данная часть, но, к сожалению, Бенгалик её названия не запомнил.

Моряки-подводники пошли по дорожке и вскоре очутились на небольшом плацу возле одной из казарм учебки. Этот плац по своим размерам значительно уступал огромному плацу Учебного Отряда Подводного Плавания, и это сравнение к уже легкомысленному настроению подводников ещё и добавило пренебрежительное отношение вообще ко всей учебке надводников.

С одной стороны плаца стояли курсанты, построенные в две шеренги и экипированные в униформу белого цвета, а на другой стороне находились двое военнослужащих: хмурый старшина первой статьи и сурового вида офицер в звании старшего лейтенанта. Этот старлей громким голосом что-то жёстко внушал строю молчаливых курсантов. И тут Бенгалик осознал: чтобы их компания прошла на другую сторону учебки, ей придётся проходить между строем курсантов и их рассерженными начальниками.

- Братцы, - обратился он к компаньонам, - может, не стоит проходить между курсачами и их начальством? Давайте свернём в сторонку.

- Ещё чего, – хмыкнул Баясхал. – Будем мы сворачивать в сторонку!

Остальные трое тут же согласились с гордым бурятом. Бенгалику, чтобы не выглядеть в их глазах пугливым зайцем, пришлось вместе со всеми идти в зону риска. Когда компания подводников проходила между шеренгами курсантов и мгновенно замолчавшим старлеем, метрист Б-397, бросив короткий взгляд в сторону офицера и старшины первой статьи, заметил, что они оба стоят с изумлённо раскрытыми глазами и отвисшими челюстями.

- Это что ещё за «анархия - мать порядка»?! – послышался за спиной искателей приключений возмущённый возглас вышедшего из оцепенения старлея. – Надо этих «анархистов» задержать!

Далее подводники услышали, как офицер отдаёт кому-то приказ осуществить задержание. Когда они с территории учебки уже вышли на грунтовую дорожку, чтобы углубиться в лес, их догнали четверо рослых курсантов.

- Нас за вами послал наш старший лейтенант, - стали они объяснять подводникам, явно смущённые их лычками и независимым видом. – Он приказывает вам немедленно вернуться.

- Немедленно?! – возмутился Шурик Фефелов. - Пусть ваш старлей засунет свои приказы в одно место! Он для нас - никто!

- Да, - подтвердил слова торпедиста Бенгалик, сразу уразумев, что в этой ситуации нужно вести себя как можно более жёстко. - Передайте вашему старлею вот такой мощный привет от моряков подводного флота, - и он продемонстрировал ошеломлённым курсантам правую руку со сжатым кулаком, откровенно изображавшую фаллос, - а к нему дружеское пожелание, чтобы немедленно шёл на х**!

Растерявшиеся курсанты отстали, а искатели приключений, серьёзно опасаясь, что командование учебки после их «сердечных пожеланий» вышлет за ними более многочисленную погоню, лёгкой трусцой побежали дальше по грунтовой дорожке, а затем свернули на едва заметную глазу тропку. После таких «заячьих петляний», сориентировавшись по расположению солнца, они снова вышли на асфальтовую дорогу, идущую вдоль побережья острова, и, двигаясь в обратном направлении, вскоре вернулись в санаторий.

Группа отпускников уже заканчивала обед. Наша криминальная пятёрка, тоже в темпе отобедав, поведала собратьям о своих новых экстремальных приключениях, и те, нисколько им не удивившись, вновь пришли к решению, что при появлении представителей надводной учебки всей группе надо будет, не мешкая, разбежаться по окрестностям острова.

В этот день больше ничего особенного не произошло, никто не появлялся. Однако утром следующего дня обеспечивающий офицер, как и в прошлый раз замполит, строгим голосом объявил о большом сборе для отпускников с Б-397. И вновь отпускники, внимательно выслушав распоряжение офицера, тут же растворились на просторах острова Русский.

Остаток своего санаторного отдыха главный герой саги практически ежедневно тренировался: и с Сергеем Качунасом, и в одиночку. Сначала он добегал до маленького пляжа, там купался, выполнял упражнения на гибкость и силу, затем отрабатывал боевые приёмы. В последний день отдыха он, прибежав туда сразу же после завтрака, только купался и загорал, по большей части лёжа на спине и мечтательно созерцая плывущие по небу редкие облака. Иногда он садился в турецкую позу со скрещёнными ногами и задумчиво смотрел на морской простор.

Море в тот день было, как по заказу, спокойным, даже каким-то безмятежным, и в один момент Бенгалику даже показалось, что оно будто лежит у него на ладони. Высоко в небе над моряком, временно отдыхавшим от бурь и тревог, долго парила какая-то одинокая птица, явно наслаждаясь своим свободным полётом в бескрайнем синем небе, а ещё выше, в бездонной глубине Вселенной, согревая весь мир жаркими золотыми лучами, им обоим ласково светило солнце уходящего лета. В такой момент думать о грядущих холодах и прочих ненастьях как-то не хотелось.

Глава 7. Далёкая отрада. Снова кровавое знамение. Приключения на Окатовой

Души отрада,
Любовь мне - как награда
За все искания,
За все мои скитания.
Но гром рокочет,
Нам бурю он пророчит:
Нагрянет ночь –
Времён ненастных дочь!

Строки из песни «Поцелуй надежды» (автор: Олег Спицын), альбом №4 «Солнечный День и Звёздная Ночь во власти РОКА»

Шла третья неделя сентября. Вторая половина команды Б-397, отправленная отдыхать на остров Русский после отдыха группы Бенгалика, была возвращена на базу на несколько дней раньше срока, положенного для такого отпуска. Это было связано с ускорением сроков текущего ремонта подлодки и её авральной подготовкой к новым выходам в море. Почему командование бригады приняло такое решение – этого в команде никто не знал.

Естественно, матросы второго потока, возвращённые с отдыха раньше времени, были этим недовольны: погода по-прежнему стояла по-летнему безветренная, солнечная и тёплая, а тебя, лишив по непонятной причине купаний, спортивных игр и всевозможных приключений, вновь отправляют в отсеки. В команде забродили бунтарские настроения, особенно они проявлялись у моряков самого старшего призыва, отдыхавших во втором потоке.

Наиболее ярко выражали своё вольнолюбие трое годков: акустик Пётр Тарасюк, сигнальщик Николай Степанов и электрик Алексей Андреев, которые теперь стремились уйти в самоход при любой появившейся возможности. Тарас, взяв с собой в компаньоны Стёпу, первым делом посетил Пентагон. Вначале он туда позвал Алика, но тот, помня, что его августовский визит в это заведение принёс ему разочарование, отказался.

На следующий день Пётр, благополучно вернувшись из самохода и весь находясь во власти положительных эмоций, стал в ярких красках расписывать Бенгалику их со Стёпой матримониальные похождения. В заключение рассказа он по секрету поведал метристу, что Стёпа несколько раз «подкатывал» к грустно сидевшей Соне, но та его неизменно отшивала. Удивлённый Тарас поинтересовался у Лены: а почему Соня, такая покладистая по характеру, стала вдруг неприступной и какова причина её грустного вида? Та ответила, что её подруга скучает по Алику.

- Алик, ты понял! – воскликнул акустик, в порыве эмоций хлопнув метриста по плечу. – Братан, тебя никак не может позабыть такая красотка, а ты тут сидишь и даже в ус не дуешь!

Далее Пётр рассказал другу, что на прощание Ленка попросила его в эту субботу обязательно привести с собой Алика, а они втроём к их визиту накроют стол с богатым праздничным угощением. Бенгалик задумался. Ему действительно хотелось праздника, но только не для желудка, а для души. И такое желание у него появилось давно, но особенно оно проявилось после дальнего похода. С момента возвращения с отдыха в санатории его стала частенько посещать ранее редкая на службе гостья – бессонница.

Он порой ловил себя на том, что глубокой ночью, вместо сна, пристально смотрит на окно, за которым ему в ночь после возвращения привиделся образ Гали. Во время приключений на острове Русский он редко вспоминал об этой девушке, но по возвращении на базу и по мере приближения очередной холодной зимы с новыми жёсткими испытаниями его душа стала всё больше тосковать, умоляя об отраде, так и не случившейся за всё это время. Однако эта «отрада» как была от него далека, так и не приблизилась хотя бы на один кабельтов.

Во время прошлого посещения Пентагона Бенгалик очень надеялся, что новое знакомство наконец-то избавит его от бесплодных душевных метаний, однако оно их только обострило. Сделать ещё одну попытку? Пётр сказал, что его, Алика, «никак не может позабыть красотка». Конечно, насчёт «красотки», как ранее о «девушке-модели», его друг загнул, но, может быть, Соня в этот раз вызовет в нём более яркие эмоции?

Короче, Бенгалик согласился на ещё один самоход в общежитие. Тарас не обманул: три хозяйки комнаты действительно к их приходу приготовили стол с разнообразными закусками. Внимание метриста сразу привлекла целая батарея из бутылок с водкой. Куда им столько алкоголя на двоих с Петром? Хотя, возможно, женщины тоже решили принять в возлияниях активное участие.

Однако хозяйки, дружно выпив только по одной маленькой стопке, в дальнейшем свои ёмкости отставили в сторону и поглощали только свои деликатесы. А Бенгалик с Тарасом, выпив первую стопку за тех, кто в данный момент находится в море, вторую - за здоровье хозяек, третью - за своё счастливое возвращение из похода, в дальнейшем уже пили за всё подряд, что только на нетрезвый ум взбредёт.

Надо признаться, что инициатором такой безудержной пьянки стал именно Бенгалик. Дело в том, что после тоста за их с Петром счастливое возвращение он взялся с юмором рассказывать об авантюрных приключениях своей лихой компании на острове Русский, надеясь увидеть живой интерес в глазах Сони. Однако он заметил такой интерес только в глазах Петиной Ленки и самого Петра, который понимающе посмеивался его шуткам и восхищённо кивал головой во время случаев, связанных с надводниками. Во время рассказа о дерзком проходе пятерых путешественников через плац надводной учебки он вообще, громко засмеявшись, одобрительно поднял вверх большой палец.

Что касается Сони и Наташи, то эти достойные дамы во время рассказа сохраняли спокойствие, даже, говоря точнее, равнодушие. А к концу историй и вовсе увлеклись поеданием какой-то морской рыбы и обсуждением достоинств этого блюда. При этом Бенгалик обратил внимание, что Соня во время его рассказов временами позёвывала: она явно боролась или со сном, или со скукой, навеянной на неё его историями.

В этот момент перед внутренним взором Алика вновь явился нетленный образ Гали. Она стояла перед ним такой, какой он её запомнил в последнюю встречу, пристально глядя на него своим лукавым взором. В её глазах было столько пламенной радости от встречи с ним, что он вдруг осознал: Фортуна, подсовывая ему «тени» прошлого, играет с ним, как кошка с мышкой. Все его попытки заменить Галчонка другой, забыть её яркий образ только приводят к обратному результату. К тому же он всё больше и больше стал чувствовать себя по отношению к Гале каким-то предателем.

После такого осознания Бенгалик, надеясь хоть как-то повысить своё упавшее настроение, стал уже глушить водку как воду, но лишь всё больше и больше мрачнел. В какой-то момент до него донёсся тихий голос Петра, который настойчиво советовал ему от алкогольных возлияний перейти к другого рода деятельности. Совет друга несказанно удивил уже прилично подвыпившего Бенгалика, и он громким голосом задал Петру сакраментальный вопрос:

«Как вообще можно переходить к какой-то иной деятельности, когда на столе остались стоять две непочатые бутылки водки?»

Его громкий ответ, конечно, долетел до ушей хозяек комнаты, и наш невоздержанный герой, хоть и был в стельку пьян, всё же смог уразуметь, что они на него серьёзно обиделись, особенно Соня. Что происходило дальше, Бенгалик практически не запомнил. Он очнулся уже утром в Сониной постели от настойчивых толчков Петра в плечо. Напарник просил его, не мешкая, одеваться: надо было по-быстрому возвращаться в родной кубрик, так как времени до подъёма команды оставалось в обрез и самоходчиков в любой момент могли хватиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.